

III. ЭТНОЛОГИЯ

Эмиль Паин

«Особый путь России»: инерция без традиций

Введение. Время распутицы

Разруха, как известно, начинается в головах. И моя статья о том, как и почему укореняются в головах мифы о предопределенности российского пути или российской колеи.

У России, как впрочем, и любой другой страны, бесспорно, есть множество особенностей, связанных с ее историей и культурой. Однако эти особенности, ныне и все чаще, становятся предметом интеллектуальных спекуляций. Именно такой спекулятивный характер имеет концепция «особой цивилизации», обуславливающая и «особый путь» и «особую демократию» России.

Это весьма распространенный в мировой практике способ оправдания незыблемости авторитарных режимов. Им не раз пользовались во многих странах в условиях реставрации авторитарной власти, после революционных потрясений или других крупных социально-политических сдвигов. В гитлеровской Германии в качестве официальной доктрины служил миф о мистическом предназначении арийской расы. Испанский каудильо Франко любил поразмышлять об особой испанской цивилизации, а чилийский диктатор Пиночет – об особом чилийском духе, и во всех случаях рассуждения сводились к обоснованию неизбежности правления с помощью «железной руки». Нечто похожее происходит и в современной России.

В российском политическом лексиконе XX века *«оттепель»* означала время позитивных ожиданий. Ныне же у нас другая эпоха, *время распутицы*, т.е. время застоя и пессимизма. Что такое застой? На мой взгляд, это *историческая ситуация, при которой правящая элита не хочет, а оппозиционные силы не могут и не знают, как жить по-новому*. В эпоху застоя, распутицы, у власти и у оппозиции в ходу один и тот же миф о фатальной предопределенности судьбы страны и в этом смысле ее «особом пути».

В начале 1990-х годов большинство наших сограждан (более 2/3) поддерживали идею «Социализм завел нас в тупик», поэтому Россия должна вернуться на

торный путь общемирового развития, на путь модернизации. В середине 1900-х начался демонтаж этой идеи, а к концу 1990-х оценки радикально изменялись, стали противоположными. В это время 67% опрошенных указали, что «чужой» опыт нам не подходит, у «России свой особый путь»¹. Только за один год (с 1998 по 1999) число сторонников этой идеи возросло с 68 до 78%². Теперь в массовом сознании преобладают представления в стиле культурного детерминизма: «Россия иначе не может – таков наш менталитет».

Я уверен, что это лишь очередное колебание социального маятника, и еще не раз вернусь к анализу этих маятникообразных колебаний в общественных настроениях наших сограждан. Пока же замечу, что этим переменам предшествовал сдвиг в настроении тех, кого принято называть российской духовной элитой, «производителями новых смыслов». Именно в этой среде происходило перерастание первоначально маргинальной идеи особого пути и особой евразийской, российской, или русской, цивилизации в официозную идеологическую доктрину. В середине 1990-х эти идеи стали приобретать все большую популярность как результат обманутых ожиданий и оскорбленного национального достоинства. С конца 1990-х такие настроения начали культивироваться государственными средствами массовой информации. Идея особой цивилизации была отражена в цикле телевизионных передач А. Кончаловского под общим названием: «Культура – это судьба». Затем получила широкое распространение в российской политике. Вскоре эта идея стала теоретической опорой главной кремлевской идеологической доктрины особой же «суверенной демократии»³. «Культура – это судьба. Нам Бог велел быть русскими, россиянами» – это уже из лекции В. Суркова в Президиуме РАН в июне 2006 года⁴. В ней наш новый Жданов, опираясь на работы нашего нового Маркса – философа И. Ильина указывает нам, что культура определяет вечные особенности политического строя. В российском случае это централизованная, персоналистская, деинституционализированная власть, где персоны важнее институтов, неформальные нормы важнее правовых.

Кремлевская канонизация идеи особой тысячелетней цивилизации, предопределяющей «особый путь» России, постепенно возводит ее в ранг официального «единственно верного учения». Армия штатных и внештатных пропагандистов, «старателей» разрабатывает эту золотую жилу, превращая теоретическую концепцию в политическую технологию. М. Юрьев так определяет ее основную задачу: подготовить «идеологическое обеспечение изоляционизма путем создания

¹ Паин Э.А. Между империей и нацией. М.: фонд Либеральная миссия, 2004. С. 97.

² Андреев А.Л. «Мы» и «они»: к характеристике внешнеполитических ориентаций российского общества // Россия в условиях трансформаций / Под ред. С.С. Сулакшина. М., 2002. Вып. 21. С. 60.

³ См.: Сурков В. Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности. Стенограмма. Ч. 1–2. Москва, февраль 2006 года [<http://surkov.info/publ/4-1-0-13>].

⁴ Сурков В. Русская политическая культура. Взгляд из утопии. Москва, Президиум РАН. 8 июня 2007 года [<http://surkov.info/publ/4-1-0-55>].

непреодолимых цивилизационных различий»⁵. Примерно в том же признается и М. Леонтьев: «Россия не может не быть самостоятельным проектом. Это не вопрос дискуссии для нас, это вопрос целеполагания»⁶.

Идея «особой цивилизации», предопределяющей будто бы ее «особый путь» должна, по мысли политических технологов, не только оправдать политическую доктрину «суверенной демократии», но и решать задачи политической терапии. Людям внушается бессмысленность и вредность привычки сравнивать положение России с развитыми странами, поскольку Запад для нас не указ – это другая цивилизация. Снимается с повестки дня лозунг «Догнать и перегнать», поскольку незачем догонять Запад, раз мы другие, не хуже, у нас свои преимущества – «особая духовность», которая, впрочем, также постулируется без проверки, как и сама цивилизационная предопределенность.

Концепт «особой цивилизации» используется также и как доказательство «особой миссии» России в мире – нести духовность народам, а эта миссия оправдывает имперские амбиции сверхдержавы.

Ныне второе издание «единственно верного учения» победоносно шествует по стране, не встречая значимого сопротивления. Союз правых сил провел экспертизу этой идеи. И что из нее вытекает? Политолог Д. Орешкин считает, что «разговоры об особом пути России – не более чем политическая спекуляция, направленная на консервацию интересов определенных групп»⁷. Ох, если бы только агенты влияния *интересов определенных групп* твердили об извечной цивилизационной предопределенности политического пути. Вот бывший американский президент тоже говорил об авторитаризме как о «базовой российской ДНК». Но что нам далекий и одновременно крайне недалекий Буш, если в России полно своих производителей подобных смыслов, в том числе и в среде либеральной интеллигенции. Она сама себя инфицирует, осваивая идею «цивилизационной матрицы» не в изложении А. Дугина или С. Маркова, а по своим каналам информации, через либеральных авторов.

Какая-то часть либерально ориентированной интеллигенции, отвергая идею «особой цивилизации» как «тысячелетнего величия России», охотно принимает тот же миф в другой упаковке, как цивилизацию «тысячелетнего рабства».

«Особенности» – это наиболее повторяемое сегодня словечко. Вот только не понятно, по отношению к каким странам и в чем же проявляются российские особенности, ведь в большинстве случаев они просто декларируются без опоры на сравнительные кросскультурные исследования.

⁵ Юрьев М. Крепость Россия // Крепость Россия: Прощание с либерализмом: Сборник статей. М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 59.

⁶ Леонтьев М. Наша страна самостоятельный проект // Россия. 2003. 31 марта.

⁷ «Своим путем» с российской самобытностью. Экспертиза // Дискуссия на портале «Союз правых сил» [http://www.sps.ru/?id=206905&cur_id=213631].

Идеологически противостоящие группы в равной степени не знают и, к сожалению, не хотят знать реальные тенденции динамики народной культуры, повторяя как заклинание присказку: «Такая у народа ментальность». Такому знанию сильно мешает то, что популярные термины «культурный код», «цивилизационная матрица», «национальные архетипы» так и остались метафорами, поэтическими образами, используемыми без объяснения механизма их действия.

Одной из преград для понимания реальных истоков авторитарной инерции в России и роли в этом национальных традиций выступают мифологизированные квазинаучные концепции вроде популярного ныне телеологического подхода к истории. Он не новый, скорее архаичный, достаточно вспомнить его библейскую версию: Моисей по велению Бога повел свой народ по предначертанному пути. В российской версии телеологии нет ни Бога, ни Моисея. Вместо них еще недавно было путеводное слово партии, которое гнало «наш паровоз» по особому пути к коммунизму, а сейчас появилась цивилизационная матрица, ведущая Россию по предначертанной колее к особой демократии. Но для русской традиции характерна не колея, а другой прямо противоположный образ – распутье. Колея сама задает направление движению, а распутье создает неопределенность его выбора.

В русском эпосе витязи стояли на распутье и мучились выбором: направо пойдешь – коня потеряешь, налево пойдешь – свою жизнь отдашь. Н.В.Гоголь вопрошал: «Русь, куда ж несешься ты?» Не получил ответа. Ивану Сусанину неопределенность пути помогла погубить врагов-захватчиков, но еще чаще властвующие поводыри свой народ заводили в тупики. И власть-то всегда была двуглавой – одна голова смотрела налево, другая направо. Какая уж тут определенность пути? Далеки от предопределенности и другие традиционные образы российского пути – распутица и бездорожье. Эти образы хорошо отражают не только особенность отечественного климата и ландшафта, но и бесчисленные метания России из одной стороны в другую, от революций к реакции, от реформ к контрреформам. Все это мало похоже на накатанную колею. Так обычно движутся страны, нащупывающие свой путь.

Цикличность развития как историческая норма

«Прогрессивное человечество» с трудом отвыкает от представлений об истории как равномерном и прямолинейном процессе, поэтому всякий раз испытывает интеллектуальную растерянность в случаях возникновения попятных движений и возрождения политических явлений, казалось бы, давно ушедших в прошлое. Так произошло и в начале 2000-х годов, когда либеральные реформы 1990-х годов были оборваны и сменились контрреформами: новым витком рецентрализации, государственной монополизацией экономики, ограничением свободы слова

и другими признаками авторитарного управления. В. Цимбурский назвал нынешний возвратный процесс «петербургской контрреформацией», проявляющейся не только в ленинградском происхождении высшего звена современного «верхушечного сословия с культурой полусоветской и полуправославной», но и в его апелляциях к традициям именно «петербургской империи, к культу петербургских императоров»⁸. А. Рябов определяет нынешнюю ситуацию как очередной «модернизационный срыв»⁹. Существуют и другие характеристики возвратных процессов в России, но в самом откате сегодня мало кто сомневается. Более того, именно в этом многие видят одну из особенностей исторического пути России. Например, А. Кара-Мурза следующим образом сформулировал последовательность циклического процесса чередования реформ, направленных на раскрепощение, либерализацию общества, и контрреформ: «Радикальное усилие сблизиться с цивилизацией Запада – далее реформа “пробуксовывает”, обрастает “издержками”, постепенно приобретает черты псевдореформы – и, наконец, на волне ностальгии по былому имперскому могуществу и, пусть условному, социальному единству и идентификационной ясности на авансцену выходят жесткие государственники-реставраторы и крайние националисты»¹⁰. Замечание о державниках и националистах – это уже прямой мостик к нынешней ситуации в нашей стране, оцениваемой как очередной откат в модернизационных процессах.

Существуют разные точки отсчета начала либеральных реформ в России. Одни начинают их с проекта М. Салтыкова в 1610 году¹¹. Другие двумя веками позже – с проектов М. Сперанского, предложенных Александру I. Однако от какой бы вехи мы не отталкивались, должны будем признать, что Россия на протяжении длительного времени находится в плену чередования кратковременных либеральных оттепелей и длительных консервативных заморозков, реформ и контрреформ.

Соглашаясь с моими коллегами в признании факта цикличности в развитии России, я в то же время выражаю сомнение в том, что эта цикличность означает признание уникальности ее исторического пути. Напротив, трудно вспомнить такую страну, которая развивалась бы, минуя подобные циклы. О пяти «незавершенных революциях» в Испании писал еще К. Маркс, а с тех пор там произошли еще как минимум две. Франция, родина идеи «народного суверенитета», пробивалась к ее осуществлению через многочисленные революции и реставрации, через две империи и пять республик. Реставрационные процессы не раз проявля-

⁸ Цимбурский В. Россию спасет нефтегазовый дефолт // Спецпроект Олеси Яхно «Судьба России» на «Главреде». 05.10.07 [<http://glavred.info/print.php?article=/archive/2007/10/05/173333-3.html>].

⁹ Рябов А. Разноуровневость общественных изменений и проблема модернизационного срыва в контексте современной российской политики // Российская модернизация: размышляя о самобытности / Под ред. Э. Паина и О. Волкогоной. М.: Три квадрата, 2008. С. 97.

¹⁰ Кара-Мурза А. Как возможна Россия? М., 1999. С. 41.

¹¹ Янов. А. Патриотизм и национализм в России. 1825–1921. М.: ИКЦ «Академкнига», 2002. С. 493.

лись в истории Англии. Широко известны китайские династические циклы, включающие периоды кратковременных революций, длительной смуты и, наконец, контрреформ, восстанавливавших традиционные институты. Цикличность пронизывает все человеческое развитие – это скорее норма, чем исключение, поэтому она уж никак не может служить аргументам в пользу особого пути России.

В 80-е годы, в эпоху советской перестройки, было чрезвычайно популярно выражение: «Нельзя перепрыгнуть пропасть в два прыжка». Не знаю, как часто людям приходится прыгать через пропасть, но уверен, что куда чаще путники, не имеющие возможности перебросить через нее мост, прокладывают тропы в обход пропасти. Эти тропы петляют, обходят преграды и порой сильно напоминают возвратные движения, но все же обычно приводят к намеченной цели.

Всякая метафора не точна, и моя не исключение. Путник, как правило, знает, куда ему нужно прийти. У истории же нет конечного пункта назначения, нет у нее и предначертанной цели. В ней пути выбираются в результате множества проб и ошибок – вот вам и причина возвратных движений. Об этом писал еще Н.В.Гоголь: «И во всемирной летописи человечества много есть целых столетий, которые, казалось бы, вычеркнул и уничтожил как ненужные. Много совершилось в мире заблуждений, которых бы, казалось, теперь не сделал и ребенок. Какие искривленные, глухие, узкие, непроходимые, заносящие далеко в сторону дороги избирало человечество, стремясь достигнуть вечной истины...»¹²

Исторический путь тернист, перемены неизбежно сопровождаются кризисами, а в таких ситуациях всегда легче вернуться к привычным способам решения жизненных проблем. И это тоже определяет высокую вероятность попятных движений. Цикличность реформ и контрреформ может быть обусловлена не жесткой связью и неодинаковой динамикой различных подсистем общества – экономической, политической, культурной и др. Отстающие подсистемы способны тормозить или даже обращать вспять движение более динамичных. Трудно даже перечислить все множество факторов, которые способны приводить к циклическому характеру развития обществ.

Признание цикличности в развитии стран закономерным и естественным процессом ставит под сомнение определение этапа контрреформ в качестве «модернизационного срыва». Исторические циклы чаще всего не приводят к полному возврату на круги своя – это развитие, пусть и не линейное, с попятными движениями. Постпетровская смута уничтожила многие реформаторские начинания Петра I, но трудно вспомнить такие из них, которые не были бы восстановлены и продолжены уже ко времени правления Елизаветы Петровны. Александр III отказался от многих реформ своего предшественника, но крепостное право не воз-

¹² Гоголь Н.В. Мертвые души. Поэма // Собр. соч. в 7 т. Т. V. М.: Художественная литература, 1985. С. 197-198.

родилось, индустриальное развитие продолжалось, а русская культура именно в этот период переживала подъем. Большевистский режим нанес огромный урон зачаткам парламентаризма, конституционализма да и всей культурной жизни России. Большевистская модернизация была жесткой, сопряженной с огромными человеческими потерями и материальными издержками, к тому же она носила фрагментарный характер. И все же даже в этом случае откат в развитии страны был не тотальным. В советское время неграмотная страна стала грамотной, сельская – городской и индустриальной.

Вот и нынешний откат в модернизации затронул не все сферы жизни. Рыночные отношения в России расширяются, вытесняя экономику раздаточную, а главное, население все больше привыкает к ним. Особенно это заметно в сфере потребления, все более индивидуализируемого и переменчивого под влиянием моды, многообразия ценностных ориентаций, социального престижа и других факторов, ограничивающих возможность возврата к централизованному распределению продуктов.

Материалы социологических исследований указывают на высокую пластичность массового сознания россиян и его готовность к восприятию новых социальных и политических парадигм. При этом речь идет не только о быстро меняющихся политических представлениях, но и о глубинных ценностных ориентациях. Так, двенадцатилетний мониторинг Николая Лапина свидетельствует о последовательном нарастании либеральных ценностей (свободы, независимости, инициативности) в той части структуры ценностных ориентаций россиян, которые обусловлены «утвердившимся социокультурным типом общества»¹³. Около 40% населения, наиболее образованные и наиболее энергичные, – это люди, исповедующие ценности, во многом напоминающие так называемые «протестантские» в веберовском смысле этого понятия, т.е. глубоко индивидуализированные, ориентирующиеся на индивидуальный, рациональный выбор, на минимальное обращение за поддержкой к окружающей среде, за исключением семьи. Заметно возросла ценность человеческой жизни. Растет квалификация работников, особенно в сфере менеджмента. Согласен с С. Цирелем, который говорит о новом поколении, «пышущем антиамериканизмом, но подражающем американским традициям» не только в офисах, но даже в своих квартирах. «Эти люди, в отличие от нас, воспитанных и живших при советской власти, и экономически и психологически гораздо более независимы от государства. В тех ситуациях, когда мы побежим с челобитными к начальству или, наоборот, сядем писать гневные прокламации, они пойдут в суд или к чиновнику, с которым можно договориться. Это антизападное поколение, смеющееся над западниками-либералами и одобряющее персоналистский режим Путина, по сути дела первое в нашей стране самостоятельное независимое поколение с вполне западными бытовыми привычка-

¹³ Лапин Н.И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России: Аналитический доклад. М., 2002. С. 39, 41, 43.

ми и даже трудовыми навыками. Они хотят и умеют зарабатывать деньги с помощью напряженного квалифицированного труда»¹⁴.

Натужно распространяемые слухи о кончине либерализма в России не только преждевременны, они просто ложны. На самом деле уровень распространенности либеральных ценностей в современной России возрос и по масштабам превосходит любой из предыдущих периодов отечественной истории.

Не все перемены можно оценить как позитивные. Скажем, рост национализма – весьма сомнительное приобретение нашей эпохи. Но он уж точно не может быть отнесен к традициям России. Национализм был не характерен для империи, за исключением периодов ее упадка и деградации.

Это все о переменах. А что же сохранилось в России от предшествующей истории, и всегда ли можно определить повторяющиеся формы поведения людей как традиционные?

Этот не страшный «культурный код»

Как этнолог по образованию и политический антрополог по роду деятельности, я, разумеется, не отрицаю свой собственный предмет - этнические и регионально-цивилизационные особенности культуры. Есть в ней и явления, которые могут быть названы культурным кодом. Лучшим примером тому может служить национальный язык – это же в действительности код, понятный «своим» и непонятный «чужим».

Известный исследователь Ф. Барт убедительно показал, что кодовый характер языка исторически складывался для того, чтобы служить маркером социальных границ между группами, позволяющим различать группу «Мы» от групп «Они» и в какой-то мере защищать «нас» от «них»¹⁵. Поэтому единый народ, говоривший на одном языке, например, тот который мы сегодня условно можем назвать индоевропейцами, расселяясь по территории Евразии, не только формировал своеобразие своих культурных особенностей, но и зашифровывал их в языке. Только ныне этот код никаких препятствий не только для проникновения политических идей, но и для проникновения других кодов в себя же не выдвигает. Наоборот, если взять русский лингвистический код, то в нем заметны и германские, и романские, и тюркские, и иранские, и финские, и даже сино-тибетские корни. Всё приняли и усвоили без препятствий – пожалуйста, на здоровье.

¹⁴ Цирель С. Когда в России будет демократия: наказ внукам // *Общественные науки и современность*. 2008. № 1. С. 92–99.

¹⁵ Barth F. (ed.) *Ethnic Groups and Boundaries*. Bergen, 1969.

Многие русские люди наверняка легче поймут современный английский, немецкий или французский языки, чем свой же русский, но времен «Слова о полку Игореве», не говоря уже о более ранних старославянских текстах. И наоборот, носители одного культурного кода могут принадлежать к разным культурам и исповедовать разные политические взгляды. И король Хуан Карлос, и венесуэльский индеец Уго Чавес используют один и тот же язык (культурный национальный код), но друг друга не понимают. Точнее, не принимают. А представители разных культурных кодов – ирано-мусульманского (Ахмадинижад), католического испанского (Уго Чавес) и православно-советско-славянского (бабка Лукашенко) – прекрасно друг друга понимают и формируют одну и ту же политическую идеологию авторитаризма.

Не так страшен культурный код, как его малюют, и не только российский, строгость которого, как известно, смягчается необязательностью его исполнения. Один и тот же народ, сохраняющий свое самоназвание, самосознание, свой национальный язык и множество других культурных особенностей, но разделенный границами, может строить совершенно разные политические системы (например, корейцы Севера и Юга), а разные народы создают однотипные режимы, (например, социализм северо-корейский, кубинский, российский). И коды этому не мешают, а лишь привносят некоторое своеобразие в однотипные политические конструкции.

Далее нет подтверждений распространенному мнению о неизменности этих самых кодов, скажем, применительно к ценности коллективизма? Вот экономист Светлана Кирдина теоретически вывела два основных цивилизационных типа - восточный и западный, которые якобы навечно сохраняют свои особенности. В первом коллективистские ценности «Мы» господствуют на индивидуалистическими «Я», а во втором наоборот «Я» над «Мы».¹⁶ По этой логике немцы в Германии 1930-х годов были восточным народом, а ныне стали европейским. Менее чем за полвека произошла радикальная перестройка всей структуры массового сознания немцев. Так, в 1923 году Т. Манн говорил о том, что «просить немца быть приверженным тому..., что народы Европы называют свободой, было бы... равнозначно требованию к нему совершить насилие над своей природой»¹⁷. Действительно, в Германии времен Второй империи и особенно в период Третьего рейха ценности свободы были буквально задавлены ценностями служения кайзеру или фюреру. В 1930-е годы в Германии господствовал патернализм и тотальное преобладание ценностей «Мы» над ценностями «Я». Как пишет Ульрих Бек, народ жил тогда по принципу: «Ты – ничто, государство – все!», сегодня же Германия является оплотом европейского либерализма, с его опорой на личность, включенную в добро-

¹⁶ Кирдина С.Г. Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация // Вопросы экономики. 2004. № 10. С. 89–98; она же. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, 2001.

¹⁷ Цит. по: Гавров С.Н. Указ. соч. С. 22.

вольные ассоциации¹⁸. Даже С. Хантингтон, склонный преувеличивать роль инерционного развития обществ, вынужден признать радикальность изменений, произошедших в системе ценностных ориентаций населения Германии после Второй мировой войны. Он приводит примеры из разных сфер, но наиболее выразительные связаны с тем, что самое милитаристское по характеру массового сознания общество превратилось ныне в одно из самых миролюбивых¹⁹.

Такая же метаморфоза, хотя и за более длительное время произошла и с массовым сознанием скандинавских народов: потомки грозных викингов сейчас одни из самых тихих и мирных народов мира.

Но, пожалуй, самые радикальные перемены «культурного кода» демонстрирует современный Китай. Эта страна, веками отгораживалась от «чуждых» влияний, не только Великой стеной, но и совокупностью традиционных ценностей, ставивших барьер для заимствований. Сегодня же Китай превратился в мировой копировальный станок – здесь копируют все от картин Рембранта на дешевых китайских базарах, до современных автомобилей и электронники. Подчеркну, что во многом, эти перемены стали результатом целенаправленных усилий в осуществлении проекта модернизации страны. В 1978-х году Ден Сяопин выдвинул лозунг, определяющий отношение Китая к Западу: «Прежде чем догнать и перегнать, нужно понять и перенять его опыт». И получилось. Все сошло с рук архитектору китайского экономического чуда. Культурный код его не наказал.

Природа культурных традиций

Наиболее искаженными ныне, как в массовом сознании, так и в политической науке являются представления о традициях. Известный политолог в сборнике, вышедшем под моей редакцией, пишет: «Традиционализация массового сознания – очевидный социологический и политический факт»²⁰. Однако, признавая этот факт, А. Зудин в своей статье ставит под сомнение определение многих сторон современного политического поведения россиян как традиционного. Его статья как раз посвящена тому, чтобы показать, что под покровом традиционности скрываются новые формы поведения и сознания. Я же полагаю, что и то, что принято называть традиционным в российской публицистике, а зачастую и в научной литературе, не может быть подведено под это понятие. Им обозначают почти лю-

¹⁸ Бек У. Безработный капитализм // *Der Spiegel*. 1966. No. 29. S. 140–146 [<http://www.academy-go.ru/Site/CrObsh/Publicatins/Beck2.shtml>].

¹⁹ Хантингтон С. Указ. соч. С. 65.

²⁰ Зудин А. Традиционализация и укоренение политических инноваций: к постановке проблемы // *Российская модернизация: размышляя о самобытности* / Под ред. Э. Паина и О. Волкогоной. М.: Три квадрата, 2008. С. 102.

бое повторяющееся явление, между тем этот термин обозначает вовсе не повторение - у него иное семантическое поле.

Понятие «традиция» генетически восходит к лат. *traditio* и к глаголу *tradere*, означающему «передавать». Первоначально это слово использовалось в буквальном значении, обозначая материальное действие: так, древние римляне применяли его, когда речь шла о необходимости вручить кому-то некий предмет, или передачу дочери в дом мужа. В последствии им чаще обозначали передачу нематериальных явлений – умений, навыков, обычаев, преданий и т.п. Исторически границы семантического поля понятия традиции изменялись, однако и поныне они жестко указывают на основное качественное отличие всего того, что можно подвести под это понятие: традиция — это, прежде всего, то, что было передано кем-то извне.

Итак, исходный смысл термина *traditio* как передачи, трансляции сохраняется в социологии и культурологии, также как и его функция социального нормирования. Традиция – это межпоколенная передача культурных норм, стандартизированных образцов поведения, идей и ценностей, которым должны следовать все члены некоего сообщества. Традиция является предписанием, которое предыдущие поколения оставляют своим потомкам, и в этом качестве она определяет легитимность действий членов сообщества в тех или иных ситуациях. Из определения понятно, что не всякий устойчивый стереотип поведения может быть назван традицией. Если люди зимой кутаются, а летом снимают с себя лишние одежды, то это не традиция, а прагматическое, *ситуативное приспособление к среде*, а вот что им следует надевать зимой и до какой степени позволительно оголяться летом – это предписывала традиция.

Разумеется, никто не может запретить называть традицией любые повторяющиеся явления – смену дня и ночи, извечное спаривание самцов и самок или колебания маятника. Во всяком случае, за это никто не накажет. Однако пользы от такого расширительного толкования культурных традиций нет. Скажем, существуют разные виды устойчивых, повторяющихся заболеваний, и для медицины важно понять, является ли заболевание генетическим, передающимся по наследству, или профессиональным. В одном случае носителем болезнетворных явлений выступает сам человек и его генотип, а в другом среда – угольные шахты с их пылью, мартеновские печи с их жаром или компрессорные установки с их шумом. Меня интересует примерно такая же сепарация явлений, но в сфере культуры. Является ли устойчивый стереотип неуважения к закону традицией, передающейся по наследству, или он атрибут определенных общественных отношений, которые воспроизводят каждый раз заново неуважение к закону?

Для ответа на этот вопрос важно понимание механизмов передачи традиции. Это могло бы предотвратить появление множества мифов о бесконечности традиций и их естественности и прикрепленности к телу народов. Понимание природы генетической устойчивости было связано с открытием механизмов передачи наследственной информации через генотип человека. У культурных традиций

тоже есть свой особый механизм трансляции, но не биологический, а социальный. Традиции не передаются по воздуху, как грипп, или с кровью, как СПИД. Для их передачи необходимы институты, выступающие носителями, хранителями, а главное, контролерами соблюдения традиционных предписаний. Социальный контроль использует моральные поощрения при соблюдении традиций и моральные санкции за их нарушение.

Опыт этнических сообществ, умудрившихся сохранять веками свое этническое самосознание и некий комплекс культурных особенностей несмотря на неблагоприятные условия утраты государственности, рассеяния по миру, указывает на важнейшее условие, обеспечивающее трансляцию именно этнических традиций, – наличие территориально-контактной среды, хотя бы минимально структурированной и институционализированной. Важнейшую роль среди таких институтов играют религиозные общины. Евреи, рассеянные по миру, веками сохраняли свою этническую самобытность, прежде всего, благодаря роли синагоги, что в переводе с греческого означает «община» (это действительно в первую очередь община, а уже затем молельный дом). В тех случаях, когда этот канал трансляции ослабевал, постепенно глохли и другие каналы передачи культурной информации, а вместе с ними происходила утрата этнических традиций.

Я более полувека наблюдаю этот процесс деэтнизации в моей семье. Мой дед, 1877 года рождения, был включен в религиозное сообщество и в систему разветвленных родственных отношений, и эта включенность давала ему ключ к культурному коду, который для него был открытой книгой. Из нее он черпал разнообразные знания. Он знал, не только, что следует надевать в субботу, когда и как поминать умерших, но и за кого можно отдавать дочерей замуж, какие профессии для детей почтены, как с традиционных позиций оценить добродетельность, и многое другое. Моя мать – его дочь – уже в синагогу не ходила и какую-то часть этих традиций утратила, но она еще была включена в систему родственных отношений. Например, она знала не только своих двоюродных, но и троюродных сестер и даже их детей и внуков. Через эти многочисленные контакты поддерживался какой-то набор норм этнической традиции. Во всяком случае, моя мать помнила свой язык и знала, как сварить фаршированную рыбу, чтобы не подвергнуться осуждению референтной группы, чтобы тетя Хава не сказала: «Эта рыба по кулинарной книге, но не по-еврейски». Я уже не знаю своего национального языка, утратил связи с родственниками, во всяком случае не знаю не то что троюродных, но не всякого двоюродного брата, а тех кого знаю редко встречаю. И все же я еще помню какие-то культурные стереотипы поведения, которые видел в детстве, во времена, когда еще был жив мой дед. А мой сын уже и вовсе не включен в традиционные этнические отношения, не знает и не помнит этнических норм, и на нем вся специфическая этническая культура в нашей семье закончилась.

В современной Европе этническая специфика, традиционные институты и ценности традиций в наибольшей мере сохраняются в странах с высоким обще-

ственным влиянием церкви и устойчивостью ее паствы. Это прежде всего Греция, Португалия, Испания, Ирландия.

Важную роль в воспроизводстве культурных традиций играют соседские общности. Наши бывшие соотечественники, переехавшие на жительство в Германию, труднее всего привыкают к неформальному контролю, к тому, что соседи постоянно напоминают им, что должно и чего нельзя делать в доме или на улице. Например, нельзя наливать воду в ванну до 6 часов утра и после 12 ночи. Нельзя устраивать шумные застолья, нельзя бросать окурки, и нужно по очереди подметать улицу перед домом. Поначалу это сильно раздражает наших бывших соотечественников. Но по прошествии времени, по признанию опрошенных мной бывших россиян, они понимают, что неформальный социальный контроль в большей мере помог их адаптации к новым условиям, чем школы, курсы и пособия. Эта среда позволяет возрождать и, казалось бы, совсем забытые культурные навыки. Я недавно слышал сакраментальную фразу: «Немцы – это вам не русские: немцы шурупы молотком не забивают». Во всем ли справедлив такой стереотип восприятия другого народа? В 1990-е годы в Германию приехало несколько сотен тысяч немцев из Казахстана, России, Украины и других стран СНГ. Многие из них поступали с шурупами точно так же, как их соседи казахи, русские или украинцы, но постепенно они освоили другие правила и трудовые нормы, приехав в страну, в которой сохранились традиции социального контроля.

Зигмунд Бауман пришел к выводу, что общество обречено на умирание, на полный коллапс социально-нормативной системы, если отмирание традиционных институтов коллективности не восполняется новыми институтами неформального общения, взаимопомощи и социального контроля²¹. И такое замещение или, точнее, совмещение нового и старого происходит во многих странах. Материалы «Европейского социального исследования» (ESS), на которые я еще не раз буду ссылаться, указывают на неодинаковый уровень охвата населения неформальными объединениями, в странах Европы. Наиболее высокий охват характерен для стран Северной Европы (Дания, Швеция, Норвегия и Финляндия) - свыше 69% взрослого населения. В Западной Европе – этот показатель несколько ниже 50 – 60%. В Южной Европе он еще ниже и составляет 30-40%. В то время как посткоммунистических странах Европы охват населения общественными организациями в 3-6 раз ниже, чем в других странах Европы.²² В России же механизмы социального контроля практически полностью демонтированы вместе с институтами, которые их хранили.

О сельской общине прочно забыли уже в середине прошлого века. Религиозные общины, православные церковные приходы были разрушены в советское время, и их роль, скорее всего, не восстановится ныне, учитывая, что свыше 87%

²¹ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Лагос, 2002.

²² Куценко О. Классы в перспективе дилеммы «универсализм-индивидуализм» // Украинское общество в европейском контексте / Под ред. Е. Головахи, С.Макеева. Киев: Институт социологии НАНУ, 2007. С.135.

православных верующих не считают себя частью какого-либо одного прихода и посещают церковь эпизодически, по случаю и какую придется.

Еще недавно были дворы, в которых пенсионеры, играя в домино, все же приглядывали за соседями, а бабушки, сидящие на лавочках перед парадным судачили о нравственности тех или иных семей. Это хоть как-то восполняло отсутствие полноценного механизма социального контроля, действующего по принципу «Что люди скажут?» Сегодня и этого нет. А родственные отношения? Их разрушение в российской и, прежде всего, в русской среде, доведение некогда плотных родственных контактов до уровня эпизодического общения – общепризнанный факт. В таких условиях не вызывает сомнений тот факт, что представление о российском обществе как коллективистском, соборном и общинном – это миф. Напротив, сегодня это общество – одно из наиболее атомизированных в современном мире. Это признает большинство экспертов, по крайней мере в академической среде. Менее освоено следствие из этого факта – атомизация общества существенно ухудшает условия трансляции социокультурных и особенно этнических традиций.

Традиции и квазитрадиции

Если трансляция традиций нарушена, то как же тогда объяснить устойчивость многих черт жизни российского общества, сохраняющих силу, по крайней мере, с середины XIX века? С. Цирель выделил следующие признаки «русской системы» (российская система) , неоднократно описанные в русской литературе:

подмену общих правил игры личными взаимоотношениями;
массовое неисполнение законов, как подданными, так и властями;
недоверие к любой власти, кроме самой высшей;
коррупцию и широкое распространение теневой экономики²³.

Особое внимание автор уделяет такой черте наших соотечественников, как неуважение к закону, и в качестве подтверждения долговечности этого явления ссылается на известные слова М. Салтыкова-Щедрина о том, что «суровость законов российских смягчается необязательностью их исполнения» и не менее известные слова А. Герцена о том, что «русский, какого бы звания он ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; совершенно

²³ Цирель С.В. «QWERTY-эффекты», «path dependency» и закон Седова, или возможно ли выращивание устойчивых институтов в России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2005. Т. 3. № 3. С. 36–43.

так же поступает и правительство». Как видим, Герцен однозначно соотносит указанную черту с особенностью русского человека, «какого бы звания он ни был».

При всем моем уважении к А. Герцену, замечу, что ни он, ни многочисленные эксперты, цитировавшие это высказывание сотни, если не тысячи раз, не проводили сравнительных исследований и вряд ли могли бы сказать, по сравнению с какими странами и народами эта черта российской жизни является особенной. Такие кросскультурные исследования с использованием социологических опросов и социально-психологических тестов стали проводиться совсем недавно, и они дают удивительные, на первый взгляд, результаты. Материалы двух циклов «Европейского социального исследования» (ESS), проведенного в 24 странах (2004–2005) и в 27 странах в (2006–2007), показывают, что граждане всех бывших социалистических стран очень сходны между собой и в то же время кардинально отличаются от других европейцев, прежде всего тем, что проявляют наименьшую готовность уважать законы и, что наиболее примечательно, наибольшей склонностью оправдать возможность его нарушения²⁴.

По доле лиц, которые сталкивались с принуждением к взятке, все перечисленные посткоммунистические страны вошли в десятку лидеров. Стоит ли удивляться тому, что и по готовности дать взятку эти же страны впереди всей Европы²⁵. Эти же страны соревнуются между собой за лидерство по недоверию к национальным институтам власти. Например, в Польше больше, чем в других странах Европы, не доверяют своему законодательному органу (71%). Самый же высокий уровень недоверия к правоохранительным органам демонстрирует население Украины – 60% опрошенных²⁶. Социальная регуляция в большинстве постсоциалистических стран нарушена не только в силу малого доверия к институтам власти и слабого уважения к новым правовым нормам, но и по причине низкой, по сравнению с другими европейскими странами, ценности традиционных норм. Лишь в Польше заметна существенная поддержка населением традиционных ценностей и норм²⁷. Я еще не раз буду обращаться к материалам этого сенсационного исследования (кстати говоря, единственного гуманитарного исследования, получившего престижную премию имени Декарта за всю историю ее существования). Пока же отмечу, что во многих обследованных посткоммунистических государствах неуважение к закону нельзя даже гипотети-

²⁴ Макеев С., Стукало С. Классовые конфигурации и особенности социально-политических установок // Украинское общество в европейском контексте / Под ред. Е. Головахи, С. Макеева. Киев: Институт социологии НАНУ, 2007. С. 115; Куценко О. Классы в перспективе дилеммы «универсализм – индивидуализм» // Украинское общество в европейском контексте / Под ред. Е. Головахи, С. Макеева. Киев: Институт социологии НАНУ, 2007. С. 135.

²⁵ Злобина Е. Особенности нормативной регуляции украинского социума // Украинское общество в европейском контексте / Под ред. Е. Головахи, С. Макеева. Киев: Институт социологии НАНУ, 2007. С. 220.

²⁶ Макеев С., Стукало С. Указ соч. С. 119.

²⁷ Куценко О. Указ. соч. С. 143.

чески отнести к традиции, поскольку оно сложилось за время жизни всего лишь одного поколения, попавшего в жернова тоталитарной системы. Ее влияние объяснимо. Если порядок обеспечивается не в результате интериоризации правовых норм (усвоения их личностью), а насильно, путем вмешательства власти, то подобное сугубо принудительное подчинение закону неминуемо приводит людей к отчуждению и от закона, и от власти. В таких случаях строгость не только российского или советского, но и чешского, польского, венгерского и других законов смягчалась необязательностью их исполнения. Всякий авторитаризм приводит к отчуждению человека от власти и закона, но левый авторитаризм в этом отношении особенно агрессивен, поскольку целенаправленно вытесняет традиционные формы социальной регуляции, вводит воинствующий атеизм и тем самым ослабляет религиозные формы регулирования жизни социалистических обществ.

В условиях авторитарного режима отчуждение человека от власти и закона, недоверие к ним, стремление обойти закон и обмануть начальство прекрасно сочетаются с патерналистскими настроениями. Более того, такие настроения – прямое следствие социального и политического отчуждения народа. В одной из республик Северного Кавказа слышал вполне правдоподобное объяснение рекордно высоких результатов партии власти на парламентских выборах в России 2007 года., тех результатов, которые близки к показателям советского времени, когда народ якобы демонстрировал тотальную поддержку режима. Мои коллеги объясняют это не столько фальсификацией результатов выборов, сколько безразличием людей к самому избирательному процессу: «Голоса не кровь – нам их не жалко, за кого начальство скажет, за того и проголосуем». Но стоило в той же республике задеть реальные интересы людей при разделе земли, как этому же начальству немедленно был дан массовый отпор. Чем больше человек отчужден от той или иной сферы жизни, тем больше склонен к патернализму. По отношению к чуждой Думе – пусть начальник решает, а за свою землю или пенсию сами постоим.

Социальная отчужденность не является следствием традиций, она продукт ситуативного приспособления людей к однотипным условиям жизни. И такую адаптацию я называю квазитрадицией. Так, в 90-е годы наши соотечественники мало походили на традиционалистов. Они действовали как завзятые модернисты: планировали будущее, ставили цели для достижения и не проявляли недоверия ни к политическим, ни к финансовым институтам, скорее их можно упрекнуть в излишней доверчивости. Миллионы недавних советских людей понесли деньги в банки, фонды, вкладывали их в покупку жилья, находившегося в стадии строительства или вообще лишь на бумаге. Их, как принято сейчас говорить, «кинули», а теперь эксперты удивляются тому, что люди больше доверяют персонам (желательно хорошо знакомым), чем институтам.

Примером квазитрадиций может служить и «штурмовщина». Сотни раз слышал, как явление неритмичной работы предприятий по сезонам связывают с особенностями российских природных условий, с традицией чередования активности сельских жителей – бурной летом и затухающей в длительный зимний пери-

од. Но мы уже более полувека живем в урбанизированной стране, поэтому штурмовщина не имеет ничего общего с сельским образом жизни. Она скорее отражает фундаментальную особенность социалистического хозяйства как экономики хронического дефицита, порождающего «недозавозы» и «недопоставки» большую часть года и неотвратимую, как рок, необходимость «освоить фонды» к его концу. Именно поэтому такая квазитрадиция в советское время проявлялась в равной мере в регионах с разным климатом – в Эстонии и Туркмении, ГДР и Монголии.

Любопытно, что по ряду ментальных стереотипов, приписываемых «русской традиции», например по готовности дать взятку чиновнику, лидируют не славяне, а эстонцы, в то время как их близкие этнические родственники финны замыкают таблицу. Вывод: многовековое этническое родство и длительное пребывание обеих этнических групп в Российской империи оказали меньшее влияние на особенности их актуального поведения и сознания, чем несколько десятилетий жизни эстонцев в условиях социализма.

Говоря о сходстве поведенческих и ценностных стереотипов россиян и жителей других стран бывшего соцлагеря, я вовсе не имею в виду того, что и в нашей стране отчужденность и безответственность родились только в советское время. Нет, я лишь хочу указать на сходство механизмов воспроизводства одинаковых стереотипов. Во всех случаях мы имеем дело не с традициями, а с квазитрадициями, не с культурными нормами, унаследованными от прошлого, а с их подобием, возникшим вследствие приспособления людей к сходным условиям жизни. Если каждую зиму мы видим снег, то это не значит, что он сохраняется с прошлых лет или передается «по традиции». Снег – свежий, а климатические условия прежние.

На Запад – к праву или на Восток – к традиции?

Хочу отметить, что процесс отчуждения от авторитарной власти в обществах, сохраняющих значительные элементы традиционной организации, приводит к совершенно иным последствиям, чем в обществах с разрушенными институтами. Например, в республиках Северного Кавказа отчуждение от официальной власти и от ее законов замещается ростом влияния неформальных, традиционных институтов – родственных, земляческих и религиозных. В рамках таких сообществ деловые отношения обходятся без квитанций и расписок, при этом нет и обмана. На большей же части территории России этого не происходит: традиционные нормы утрачены, а новые не родились в таких условиях деловые отношения гарантируются только страхом получить пулю в лоб. Между тем даже в криминальной среде отношения, основанные только на страхе, считаются неустойчи-

выми, излишне рискованными. Даже уголовники хотят жить «по понятиям», т.е. в соответствии с некими этическими нормами, пусть и весьма специфического характера, а нарушение этических норм – это «беспредел».

В традиционных обществах, отчуждение от власти, недоверие к ней компенсируется ростом доверия людей к «своей» среде, т.е. к родственному и соседскому окружению. В детрадиционализированных – и «своя» среда становится чужой, В упомянутом Европейском социальном исследовании (ESS 2004-2005 и 2006-2007) свыше половины опрошенных в России и на Украине проявили крайне подозрительное отношение даже к своей ближайшей социальной среде, подчеркивая в анкете подсказку: «Большинство будет стараться вести себя нечестно». В таких условиях чрезвычайно трудно обеспечить процесс социального нормирования деятельности человека, во всяком случае по традиционным шаблонам.

Мне часто приходилось слышать такие рассуждения: «Западная модель модернизации, основанная на правовых формальных институтах, не подходит для России, с ее традицией неуважения к закону. Ближе нам опыт Сингапура, в котором авторитарная модернизация дала неплохой результат». Вот уж пальцем в небо. В Сингапуре, как и в других странах Юго-Восточной Азии, авторитарная власть опирается на хорошо сохранившиеся традиционные институты, она эксплуатирует традиционные этические нормы – послушание, уважение к старшими, к чести рода, семьи и т.д. В частности угроза распространить наказание за преступления связанные с коррупцией на членов семьи оказалась в Сингапуре чрезвычайно действенной. Но это было в Сингапуре, а на что опереться нашему авторитаризму, если специфика России, во всяком случае подавляющего большинства ее населения и на большей части ее территории совершенно иная. Она характеризуется как раз слабой сохранностью и малой значимостью традиционных неформальных норм и традиционных отношений, включая и родственные? *В таких условиях нам легче двигаться на Запад – к праву, чем на Восток – к традиции.*

«Русская система» не традиционна, но инерционна.

Что такое инерция? Со школьной скамьи известно: тело (объект, явление) сохраняет состояние покоя или равномерного прямолинейного движения, если не встречает сопротивления (трения) или нового внешнего импульса. Этот принцип инерции хорошо объясняет не только физические законы, но и основной механизм культурной динамики. Долгие века, и даже тысячелетиями, могут сохраняться символы, мифы, самоназвания народов – они не встречают сопротивления и не мешают адаптации людей к историческим переменам. Долго могут удерживаться обычаи, исходный смысл которых забыт, и потому они превратились только в ритуал. У каких-то народов принято при приветствии пожимать друг другу руки, у других хлопать по рукам, а у третьих прижимать их к груди. И кому это мешает?

Чем больше традиция наталкивается на сопротивление изменяющегося мира, тем меньше она сохраняется. Так урбанизация расправилась с национальной одеждой, оставив ей место лишь в некоторых обрядовых действиях. Она же вытеснила национальное жилище в сферу декора, сделав нормой в городах всего мира унифицированные дома, приспособленные к централизованному тепло- и водоснабжению, канализации и к растущей стоимости муниципальной земли.

Традиции могут складываться веками, а исчезают за считанные годы. Например, сиеста (проявление активности по утрам и после захода солнца при длительных дневных перерывах на отдых) столетиями была визитной карточкой образа жизни испанцев. Ссылаясь именно на эту традицию, многие великие европейцы утверждали, что Европа кончается за Пиренеями: «Не может называться европейцами народ, который спит днем, а бодрствует ночью». Но вот пришла индустриализация и почти вытеснила сиесту из трудовой сферы. Разве, что некоторые магазины имеют по традиции более длительные перерывы, чем в других странах Европы, но при этом имеются и те, которые работают круглосуточно. В большей мере сиеста сохранилась в сфере досуга. Массовые гуляния глубокой ночью на площадях испанских городов подчеркивают национальный колорит и привлекают туристов, не препятствуя, ни экономическому развитию Испании, ни ее интеграции в ЕС.

Традиции не всегда стираются под воздействием изменяющейся среды, на какое-то время они могут даже усиливаться, особенно в случаях агрессии в отношении символов национальной и этнической идентичности. Такая агрессия наталкивается на мощное сопротивление. Но сопротивляются не сами ментальные традиции, а социальные институты, которые их защищают. Если традиционное сознание живет, то благодаря следующим причинам: либо сохраняются условия, которые его породили, либо возникли новые, выполняющие по отношению к нему роль своеобразной морозильной камеры, или, наоборот, – теплицы для по-

вторного вызревания, казалось бы, зачахших традиционных норм. Зачастую именно эти институциональные условия ускользают от внимания обозревателей, приписывающих самим традициям вечное существование. В России ж, как я старался показать, защитный панцирь, сотканный из традиционных институтов, содран до кожи. Это создает возможность необычайной легкости проникновения в культуру любых заимствований вплоть до самых нелепых. Только в России крупнейшие газеты публикуют астрологические прогнозы чаще, чем прогнозы погоды. Не знаю, есть ли еще такая страна, где так быстро прижились бы не традиционные праздники - Святого Валентина или Святого Патрика. И уж точно в нашей стране сложились уникальные возможности для манипуляции массовым сознанием и конструирования практически любых настроений, хотя надолго они не сохраняются. Еще в 1990-м 3/4 населения признает социализм единственно возможной формой политического строя, а к Западу относится настороженно, а уже в 1991-м (всего лишь за один год) СМИ удается перестроить массовое сознание на противоположную волну – и уже 3/4 населения поддерживает идею «социализм завел нас в тупик», а «Запад – это модель для подражания». Еще через три года новая инверсия: «социализм не так плох, а западная модель не подходит для России». Начало 2000-х и еще одна доктрина как ластик стирает в массовом сознании следы предыдущей: «Нет возврата к социализму – нет пути на Запад». Однако маятник не компьютер – не зависает, он снова готов к колебаниям. Если на основании социологических исследований мне кто-нибудь скажет, что точка возврата к социализму уже пройдена, то я просто рассмеюсь. В нынешних условиях уже нет плохих «измов», может быть лишь мало денег на их маркетинг.

Ну, допустим, каналы трансляции традиционных норм разрушены или ослаблены, но ведь есть еще и дискурс, прежде всего художественная литература, формирующая образ нации. Возможно, она и является основным хранителем национальных особенностей? Если говорить о тех из них, которые упоминались М. Салтыковым-Щедриным и А. Герценом (о склонности к беззаконию, произволу), то русскую литературу в поддержку этих норм и в трансляции подобных традиций упрекнуть нельзя. От А. Грибоедова до А. Чехова главные производители российских смыслов осуждали массовое беззаконие и произвол тех, кого В.Белинский, размышляя о произведениях Н. Гоголя назвал «корпорацией судебных воров и грабителей». Так что если эти нормы и воспроизводятся, то не по вине классической русской литературы. Но почему же тогда описанные ею в XIX веке беззакония остаются актуальными и ныне? Почему же наблюдения Салтыкова-Щедрина воспринимаются как очерки нашего современника? Да потому, что сохраняются фундаментальные черты российских условий жизни, воспроизводящие и специфику культурного кода.

Несущим каркасом «русской системы» является господство сырьевой экономики. Как торговала Россия сырьем при Петре I, так и торгует, только вместо леса и пеньки продает нефть и газ. Сырьевые товары составляют 85% российского экспорта и охватывают более 50% российского ВВП, в то время как в развитых странах этот показатель составляет менее 20%. Проблема "ресурсного проклятия" известна давно: множество стран со значительными природными ресурсами

получают весьма малую выгоду от их использования. Главное же, что тотально сырьевая экономика уменьшает стимулы к модернизации. Зачем работать, если бананы растут на деревьях, зачем менять отношение к труду, менять жизненные устои, если можно сносно жить на нефтедоллары.

Существует прямая связь между ресурсной экономикой и структурой элит. В России – главенствует элита, связанная с ТЭК и эта элита в наибольшей мере зависит от государства, поэтому она наиболее сервильна по отношению к власти и в наименьшей мере склонна к опоре на гражданское общество. Вот и не может оно прорасти через асфальт российской системы.

Господство природных ресурсов в экономике при дефиците человеческих требовало прикрепления населения к территории, а после отмены крепостного права прикрепления его к власти. И то и другое было связано с социальным оскотлением человека, лишением его гражданской и политической субъектности. Но одновременно происходил и рост безответственности государева человека: «Барин правит – пуст он и отвечает за все». «Барин думает, что платит - пусть думает, что я служу». «Барин имеет собственность – пусть он ее и охраняет». Как сажали государи воевод и губернаторов «на кормление», так и сажают. Вот и воспроизводятся нравы города Глухова.

Главное же, как не было на Руси общества, способного контролировать государственный аппарат и осознавать свою ведущую роль в политической системе, так его и нет. Более того, в этом отношении наблюдается даже регресс, связанный с утратой традиционных институтов социального контроля. Отсюда и гигантские качели инверсии, о которой я уже говорил.

Традиция или инерция – это вопрос не только терминологический, это, прежде всего, вопрос о причинах устойчивости авторитарных проявлений политического режима. Обусловлены ли эти причины некоторыми внутренними особенностями общества, его культурным кодом, передаваемыми по наследству, или внешними условиями? Инерция, как и традиция, тоже ограничивает возможность произвольного движения, задает некоторую особенность исторического пути народа и страны, исключают возможность успеха бездумного революционного напора, однако само понятие инерции по определению предполагает *возможность ее преодоления при определенных изменениях условий среды и усиления импульсов внешних воздействий*. Механизмы исторической инерции важно понять с тем, чтобы либо изменить их, либо воспользоваться ими.

А. Аузан в своих работах о «колее» приводит как пример устойчивости эффект «qwerty» – стандартного расположения клавиш на английской клавиатуре пишущих машин (по первым шести буквам). Сейчас понятно, оно было не самым удачным, но переделывать его дорого и нецелесообразно. Почему? Да потому, что здесь импульс к перемене был слабым. Вот когда наши самолеты перестают принимать в зарубежных аэропортах из-за превышения допустимого уровня шума – это уже импульс посильнее, и несмотря на затраты приходится самолетный парк обновлять. Когда большая страна проиграла в XIX Крымскую

войну экспедиционному корпусу – это был еще более весомый стимул для перемен.

На мой взгляд, нынешняя инерция политической системы обусловлена не столько силой традиции и устойчивостью рамок определенной исторической колеи, сколько слабостью импульсов для перемен персоналистского режима в России, слабостью вызовов ей.

В противовес концепция «исторического фатализма» я предлагаю иной подход к анализу повторяемости однотипных исторических коллизий в политической истории России, подход с позиции *исторической инерции*. Инерционная система – не вечный двигатель, следовательно, ее ресурс исчерпаем. И как раз в социокультурной сфере это исчерпание уже заметно и будет нарастать, прежде всего в связи с убывающей легитимностью всего политического режима.

Власть – уже не от бога, но и не от выборов. Пока терпят лидера в расчете на то, что он защитит от совсем отвязавшихся бояр, но ресурс личного авторитета – быстро портящийся. Если во времена Гоголя только отпетые Белинские осмеливались в частной переписке именовать власть «корпорацией служебных воров и грабителей», то во времена Жванецкого такие оценки стали открытыми и расхожими.

Собственность никогда не была священной на Руси, но не стала и законной. Она воспринимается как ворованная и усилено стимулирует рост представлений о несправедливости распределения богатств. Ощущение социальной несправедливости ныне является, а в ближайшем будущем еще в большей мере станет источником роста социального давления на власть.

Отношения внутри элит не легитимированы ни религией, ни законом, ни традицией. Почему московские должны признать верховенство питерских? Почему одним – жирные куски, а другим – объедки? Признать это элитарные группы не готовы. Потерпеть пока могут: «Банкуйте, пока ветер не переменится».

У меня не вызывает сомнений то, что элита, которая не может укрыться за традицией, будет пробиваться к защите закона, будет заинтересована в переходе от власти авторитета к власти нормы и, следовательно, рано или поздно станет поддерживать политическую модернизацию. Вопрос в том, в каких условиях будет нарастать социальная база поддержки модернизации. Если в условиях нарастающей грызни между элитарными кланами, то в России это не приведет к «оранжевой революции», которая, содействовала вестернизации страны. В России в нынешних условиях «революция» может опереться только на ксенофобные настроения, галопирующие в стране. Только радикальным националистическим силам, являющимся одновременно и антимодернистскими, выгоден в настоящее время принцип «чем хуже – тем лучше». Подавляющему же большинству российского общества и практически всей элите предпочтительнее другой вариант развития – большая коалиция социальных сил: «За модернизацию!» Она, возможно впервые в истории России, дала бы шанс на длительное стабильное и эволюционное развитие страны. Уверенно могу сказать, что нынешняя социокуль-

турная обстановка в России в силу своей неустойчивости и утраты способности к социальному регулированию будет скорее стимулировать ослабление, чем сохранение исторической инерции.

Заключение

Несмотря на извилистость пути России, безусловно, специфического, но не уникального, развитие общества все же происходит под напором как внутренних, так и внешних вызовов, связанных с глобализацией. Эти вызовы все в большей мере требуют замены власти авторитета властью закона, что возможно лишь при развитии механизмов социальной саморегуляции и самонастройки общества. Главный мой тезис как раз и состоит в том, что *на переход России от власти авторитета к власти закона цивилизационного запрета нет*. Напротив, культурные традиции в России ослаблены, общество атомизировано, социальные каналы трансляции культурных традиций либо разрушены, либо перекрыты тромбами. Лишенным традиций и собственных ценностей обществом легко манипулировать. Такое общество поддается иллюзиям, подхватывает мифы и фобии. Формирует оно и собственные фобии, чаще всего националистические. Инерция авторитаризма связана не с культурными традициями общества, а с воспроизводством авторитарной власти. Питательным бульоном для такого воспроизводства выступают средовые условия: привязанность хозяйства к природным ресурсам и сохранение имперских отношений. *Еще более существенным фактором инерции авторитаризма я считаю отсутствие в России важнейшего института для вызревания гражданского самосознания: общества-нации.*

Однако, на мой взгляд, уже проявились и будут усиливаться внешние вызовы, на которые России придется отвечать. Эти вызовы могут стимулировать перестройку всей системы общественных отношений и интересов. Полагаю, что в стране уже накапливаются и внутренние факторы перемен, связанные прежде всего с потребностью какой-то части общества в самовыражении, самозащите, сплочении и социальном самоопределении. Эта потребность в сочетании со стратегической необходимостью перестройки экономики может стать контрапунктом нового этапа социально-политической модернизации России, при которой на общественную арену впервые выйдет новый ее субъект – общество-нация. Это одновременно и новый социальный институт и новый тип ценностей, основанных на гражданском самосознании. Именно в процессе социально-национального самоопределения должно возрастать осознание ценности человека, его жизни, его судьбы и роли общества как важнейшего элемента политической системы.

Сегодня в России модно вспоминать о Моисее, который вынужден был 40 лет водить свой народ по пустыне и большую его часть выморить, чтобы изменилось

сознание людей. Так же, кстати, объясняют необходимость авторитарной модернизации: «Пока сознание населения косо, мы будем модернизировать страну в режиме ручного управления». Я же полагаю, что не столько традиционное сознание обусловило практику «ручного управления», сколько сама эта практика виновна в воспроизводстве подданнического, милитаристского, имперского сознания. Массовый энтузиазм населения и поддержка военных действий российской власти во время августовских событий 2008 г. вокруг Южной Осетии показывает, что ресурс временной консолидации российского общества информационно раскрытым «образом врага» еще не утрачен, Однако он недолговечен. Ажиотаж, вызванный победой над Грузией продержался не дольше, чем массовый подъем, проявившийся после победы российских футболистов над голландскими, на чемпионате Европы 2008 г. Повседневные же проблемы постоянно напоминают и будут напоминать о незащищенности российского общества от самочинных и нелегитимных действий власти, которая может произвольно рвануть экономический рубильник и опустить рынок на миллиарды рублей; разорить успешную корпорацию и, наконец, может втянуть тысячи людей в вооруженный конфликт, не имеющий и того фигового листка моральных оправданий, какой имела «защита мирных жителей Цхинвали от грузинской агрессии и геноцида».

Не оспаривая необходимости длительного переходного периода, требующегося для системного преобразования общества, и затрудняясь назвать конкретный исторический интервал этого периода, я уверен, что важнейшей его задачей должно стать параллельное развитие, как институциональной среды, так и культуры, стимулирующей изменение социальных ценностей. Нужно не столько ждать перемен в сознании, сколько изменять словом и делом условия, которые ведут к модернизации сознания. Прежде всего, я имею в виду выращивание такого мегасоциального института, как общество-нация, способного осуществить переход от верхушечной и потому неизбежно фрагментарной модернизации - к системной и целостной.

Распутица не бывает вечной, это явление преходящее, временное. Разумеется, переход России от власти авторитета к власти правовых норм не предопределен, но он возможен!